

СУХОВА Надежда Николаевна,
канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры философии ГМИ НАУ

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

Современники великого русского писателя А.П. Чехова по-разному относились к этому необыкновенному человеку. Кто-то говорил о нем как о «Пушкине в прозе», а кто-то называл его «талантом мёртвой полосы». Будучи практикующим доктором, Чехов не оставлял своего литературного увлечения, которое стало для него жизненно необходимой реализацией собственно человеческой сущности. А сегодня творчество А.П. Чехова интересно не только для философов, литераторов и литературных критиков, но и представители медицины усматривают в каждом герое писателя симптоматику и психосматику определенной болезни. Действительно, базовое образование задает стиль мышления и А.П. Чехов видит этот мир как видят его доктора, обременённые соответствующим количеством медицинских знаний и ещё большим грузом практики общения с больными на разных стадиях их недуга.

В очерке А.И. Богдановича, современника А.П. Чехова, «Чехов – талант мёртвой полосы», подчеркивается тот момент, что талант писателя «напоминает нам такое же зеркало, в котором с удивительной правдой отразилась преобладающая сторона общественной жизни последних годов. Сумеречное, хмурое настроение этой жизни нашло в нём лучшего своего выразителя. [1] В это время общество находилось в предверии новой эпохи, близилось нечто такое, что скоро сдует с этого общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку, а через пару сотню лет возможно наступит царство «всечеловеческого счастья». В такой формуле А.П. Чехов и определяет свой взгляд на «рост жизни», суммируя впечатления, навеянные ему откликами происходящего на исторической авансцене. И всё же, четко осознавая деформированный характер духовной жизни человека, он, устами своих литературных героев, ответственно отстаивает высшие моральные и нравственные ценности. «Деятельность научная и художественная – писал Л.Н. Толстой, – в ее настоящем смысле только тогда плодотворна, когда она не знает прав, а знает одни обязанности. Только потому, что она всегда такова, что ее свойство быть таковою, и ценит человечество так высоко ее деятельность. Если люди действительно призваны к сложению другим духовной работой, они в этой работе будут видеть только обязанности и с трудом, лишениями и самоотвержением будут

исполнять их... Мыслитель и художник должны страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утишение» [2]

В свое время, Андрей Белый сделал удачное заключение относительно того, что А.П. Чехов как «наиболее крупный писатель последнего времени остался без школы, в то время как творчество Горького породило целую плеяду подражателей» [3] В этом проявилась уникальность гения выдающегося писателя, ткань времени которого расчленена на отдельные элементы ее – мгновения. Символизм и реализм, как два методологических приема в искусстве, соприкасаются в его творчестве в одной точке – точке мгновения, основе всякого творчества, когда реализм переходит в символизм. И обратно.

Сегодня ни для кого не секрет, что жизнь многомерна и многообразна, а нравственность является одним из важнейших и фундаментальнейших ее измерений, по законам которой оцениваются человеческие поступки и действия. Но даже как одно из измерений человеческой жизни, она не может претендовать на абсолютность и всеобщность. Действительно, существуют святые люди, но жизнь реализует свою полноту и через других представителей человечества. И каждый раз, когда мы стремимся опровергнуть некоторые нравственные измерения – будь-то святость или утопия, или же фашизм и коммунизм, – мы лишаем себя чего-то важного в этом мире. Человеческая душа нераздельна, и запросы мыслящего духа остаются одни и те же и у всех нас. Вот и А.П. Чехов как бы диагностирует души современников через литературных героев своих произведений, а в последних мы узнаём скрытый в нас потенциал восхождения и падения, здоровья и болезни.

Анализируя произведения А.П. Чехова, С.Н. Булгаков предлагает обратить внимание на то, что для самого художника представляется не только самым важным, нужным и серьезным в его литературной деятельности, но вместе с тем большим, мучительным, составляя предмет напряженных исканий, тревожных и часто безответных вопросов, обращаемых им к жизни и самому себе. «Мы подходим к Чехову со стороны общечеловеческой, обращаемся к нему не только как к художнику, одаренному божественным, но и опасным, могучим, но и ответственным даром искусства, а как к человеку, ответственным перед тем же великим и страшным судом совести, одержимому теми же муками, сомнениями и борениями, что и мы, и лишь особым, ему одному свойственным способом выражающему их в художественных образах. Это не значит, конечно, что мы хотели умалить или оставить в тени их чисто художественное значение, но, останавливая внимание именно на том, что составляет святая святых в каждом человеке, будь он великий мастер или заурядный чернорабочий, на его миросозерцании, мы отдаем высшую дань благочестивого внимания

духовному миру художника» [4]. В этом еще раз подчеркивается необыкновенный труд души Чехова не только как художника, но и как человека своего времени, который избавляется от своих несовершенств путём анализа своих недостатков, о которых известно только ему одному. Ведь нас раздражает в другом человеке то, что есть в нас, только ещё не предоставлена ситуация для развёртывания этого качества. И если возможно взять под контроль это качество души или её склонность, то это дорогого стоит. У А.П. Чехова это получилось.

Среди бесчисленного множества персонажей, которые погрязли в лени, пошлости, мещанстве, дух которых загнивает в низинах и болотинах, у писателя есть и положительный тип – Надя из рассказа «Невеста». Героиня не только разрывает путы, связывающие её с мещанским царством – что случилось с некоторыми персонажами из других произведений А.П. Чехова, – но и не обнаруживает, после того как путы были порваны, черт внутренней раздвоенности и внутреннего банкротства. Покинув отчий дом, и как раз накануне грозившего ей полного закрепощения на лоне мещанского благополучия, новая чеховская героиня идёт навстречу «громадному, широкому будущему», исполненная самых жизнерадостных настроений и светлых надежд. А в заключительных сценах рассказа автор заставляет её показаться перед читателями уже сделавшей несколько шагов по новому пути. На короткое время она возвращается из столицы, куда уезжала учиться. Сцены приезда на родине продиктованы автору его художественными целями; нужны ему для обрисовки контраста между двумя половинами биографии героини, между «старым» и «новым» элементами её мирозерцания. Когда она второй раз оставляла родительский дом, то впереди ей рисуется и манит новая жизнь, просторная, широкая, неясная и полная тайн. Так просматривается А.П. Чеховым биение пульса времени и он старается своими произведениями ответить общему тону, начинающему доминировать в реальной жизни.

Человек познает самого себя как во внешнем мире, так и в философских учениях о добре и зле, а так же в изучении исторических судеб человечества. И все-таки не перестает быть для себя загадкой, которую всякий раз ставит перед собой каждый человек и каждое поколение. Вдохновенному взору А.П. Чехова открываются такие тайны жизни, которые не под силу уловить точному аппарату науки. В своем «Доме с мезонином» Чехов говорит устами художника, в споре с Лидой, о призвании всего человечества, которое заключается в духовной деятельности, в постоянном искании правды и смысла жизни, удовлетворить которые могут только религия, наука и искусство. «Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к всеобщему, – они ищут правды, смысла жизни ищут

Бога, душу» [5]. Такие выводы может сделать только человек со зрелой душой, если учитывать особенности чеховской эпохи. А в этом и весь Чехов. В одном из его ранних рассказов («На пути») мы также встречаем удивительно емкую фразу устами Лихарева о вере как способности духа и она все равно что талант, с нею надо родиться и эта способность присуща русским людям в высочайшей степени. «Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений, а неверия и отрицания она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое» [6]. И в «Трех сестрах» мы слышим от Маши, что человек должен быть верующим, или должен искать веры, иначе жизнь его пуста. Так в произведениях Чехова отражено искание веры, метущее беспокойство русской души, её больная совесть и тоска по высшему смыслу жизни. Изображая духовный мир человека, охватившего поисками правды жизни и переживающего муки этого искания, Чехов в «Палате № 6», где герой сходит с ума, не умея справиться с мучительными вопросами и утерев равновесие душевных сил. И однако, его болезнь является следствием душевного здоровья, напряженности мысли, устремленной к вечным загадкам жизни. И в сравнении с окружающими, равнодушными ко всему высшему пошляками, истинно здоровыми душевно в этой повести являются именно сумасшедшие.

Нравственное измерение человеческого мира свидетельствует о том, что мы не всегда делаем выбор в пользу развития своей души. Переполненные различными страхами и ленью души не дают нам решиться на прорыв сквозь своё невежество и невежество других людей, которые стоят выше нас по социальной лестнице. Чехов актуален сегодня именно за то, что в своё время настойчиво ставил вопрос не о силе человека, а об его бессилии, не о подвигах героизма, а о могуществе пошлости, не о напряжениях и подъёмах человеческого духа, а об его загнивании. Поэтому такого зрелого художника как А.П. Чехов не каждому под силу понять, и отсюда разные негативные критики в его сторону большей частью от современников писателя. На сегодня также актуален вопрос о нравственной слабости, бессилии добра в душе «среднего человека», благодаря которому он падает без борьбы, а душевная лень и едкая пошлость одолевает лучшие порывы и самые заветные мечты, благодаря которому идеальные стремления не поднимают, а только приносят страдания человеку и создают таких унылых Астровых, Тузенбахов, Ионычей, Трёх сестёр. В этом показан разлад между должным и существующим. А в такой сокровенной чеховской фразе о неправде победы правды, усматривается и другая её сторона, – на земле не находит своего решения проблема личности, а возможно это только в ином мире, в вечности.

Пришло время осознать, что супервооруженное материально человеческое общество остается бессильным в моральном аспекте. Хрупкое существование человека в любой момент может рассыпаться под воздействием стихийного бедствия и даже определенного поступка другого человека, который потерял чувство нравственного ограничения.

Сегодня созданы мощные технологии манипулирования сознанием человека, подчинения его поведения чужой воле. Но так и не удалось создать социальные институты и механизмы, которые бы способствовали вознесению нравственных добродетелей человека и противостояли нравственному злу. Более того, практическая реализация моральных максим рассматривается либо как посягательство на права и свободы личности, либо как лицемерный утопизм. Выходит, что моральные ценности и нормы отрицаются или отсекаются многими из нас в самом начале. Чеховские герои – это наши качества, присущи нравственному измерению человеческого мира. Избавиться от негативных своих черт характера, как показывает психолог и психиатрия, еще никому не удалось, а вот взять их под контроль и не дать возможности проявляться – это вполне реально и доступно каждому. Для этого необходимо работать над собой внутренне. Ведь не случайна библейская истина – «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи».

Литература

1. Богданович А.И. Чехов – талант мёртвой полосы / Годы перелома (1895-1906). Сборник критических статей. – Спб.: Книгоиздательство: «мир Божий», 1908.
2. Толстой Л.Н. Так что же нам делать. / Полн. собр. соч.: В 90 т. Т.25. – М.: Правда, 1953. – С. 373.
3. Белый А. // Чеховиана. Чехов и «серебряный век» –М., 1996. – С. 106-115.
4. Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. /Сочинения: В 2. Т.2. – М., 1993. – С. 131.
5. Чехов А.П. Дом с мезонином / Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Т.18. – М.: Наука, 1982. – С. 164.
6. Чехов А.П. На пути / Там же. Т.5 – М.:Наука, 1984. – С. 463.